

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

2007 * 2

© 2007 г. А.С. ЗАПЕСОЦКИЙ*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АКАДЕМИКА Д.С. ЛИХАЧЕВА

28 ноября 2006 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося российского мыслителя, академика РАН Дмитрия Сергеевича Лихачева. В связи с этим 2006 год был объявлен «Годом гуманитарных наук, культуры и образования»¹, годом академика Д.С. Лихачева. Думается, подобная формулировка не случайна. Конечно, Дмитрий Сергеевич получил академическое признание в первую очередь благодаря трудам о древнерусской литературе, однако его научные интересы отнюдь не ограничивались только литературоведением и охватывали широкий спектр гуманитарных наук. Уже составленная в 1966 г. библиография трудов Лихачева включала более 400 наименований, а за последующие десятилетия Дмитрий Сергеевич создал еще великое множество научных работ². Среди его произведений – академические монографии, научные статьи и публицистические заметки, комментарии к различным литературным памятникам, редакторские предисловия, рецензии, переводы и многое другое. При этом трудно не согласиться с британским ученым-славистом Р. Милнером-Гулландом, который писал о Лихачеве: «Его работы не могут быть выстроены в какую-либо иерархию – написанная им короткая рецензия может быть более важной, чем книга в несколько сотен страниц»³.

Сказанное, безусловно, относится и к тем трудам Лихачева, которые воспринимались некоторыми его коллегами как хобби, «популяризаторство». Простота его «публицистических» работ – сугубо внешняя, это простота по форме, но не по содержанию. Д.С. Лихачев был поистине фундаментален и в самых камерных своих произведениях, и в выступлениях, обращенных к широкой общественности. При этом его разнообразные труды в той или иной степени выражают некую целостную, глубоко осмыслившую и прочувствованную историческую концепцию.

* Запесоцкий Александр Сергеевич, доктор культурологических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Взгляд Лихачева на мир – это взгляд историка. Любое явление, привлекающее его внимание, рассматривается и анализируется сквозь призму времени как явление историческое, в контексте живого дыхания той или иной эпохи, в системе исторических взаимосвязей. Показательно, что В.П. Адрианова-Перетц, характеризуя вхождение Лихачева в 1940-е гг. в пору научной зрелости, пишет о ярко выраженном историческом аспекте его деятельности: «К исследованиям древнерусского летописания Д.С. был подготовлен серьезным критическим изучением... работ академика А.А. Шахматова... Предстояло существенно углубить "исторический метод" А.А. Шахматова... На очереди оказалась и большая историко-литературная проблема: стиль летописания представлялся А.А. Шахматову неизменным на всех этапах истории»⁴.

Историческое видение предметов исследования пронизывает докторскую диссертацию Дмитрия Сергеевича, опубликованную в 1947 г. с сокращениями в виде книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение». Текстологическая работа неизменно сочетается ученого с «широкими историческими обобщениями»⁵. Расширяя и углубляя исторический подход к изучению литературы, он делает его одним из фундаментальных элементов своей литературоведческой методики, наиболее обстоятельно и ярко изложенной в 1962 г. в книге «Текстология», где Лихачев, в частности, пишет, что необходимо «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования – в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т.е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника»⁶.

Нетрудно заметить, что в процессе научной деятельности поле зрения Лихачева-историка неуклонно расширяется, а затем и меняется. Не случайно, характеризуя его влияние на своих аспирантов в конце 1940-х – начале 1950-х гг., Адрианова-Перетц говорит уже о «четко выраженным историческом подходе к изучению культуры»⁷. Во второй половине XX в. культура (в ее классическом понимании – как все, что создано разумом и руками человека) все больше привлекает внимание ученого. «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого», «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Русская культура в современном мире», «Петербург в истории русской культуры», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт» – эти названия говорят сами за себя.

Однако при жизни ученого его работы о культуре не были оценены в должной мере. Теперь, по мере дальнейшего развития отечественных гуманитарных наук, начинается персоценка лихачевской «публицистики». В 2001 г. Лихачева называют уже не только «специалистом по древнерусской литературе», но и «культурологом»⁸. С 2002 г. он предстает читателям энциклопедий как филолог и историк культуры. В частности, отмечается, что академик «в 80-х гг. создал культурологическую концепцию... Понятие культуры Л[ихачев] видит как историческую память, как творческую подготовку культуры будущего на основании прошлого и настоящего»⁹.

С 1992 г. деятельность Лихачева-культуролога была тесно связана с Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, где ежегодно проводятся международные научные Чтения по гуманитарным проблемам, получившие после ухода академика из жизни имя Лихачевских¹⁰. Готовясь к 100-летию своего почетного доктора, университет выпустил в свет ряд работ, способствующих дальнейшему осмыслианию научного наследия Лихачева¹¹.

Анализ трудов ученого в широком контексте гуманитарных наук, в особенности в период, завершающий его научную биографию, позволяет нам в настоящее время говорить о понимании Лихачевым истории человечества как, в первую очередь, истории культуры. Именно культура, по глубокому убеждению ученого, составляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов, малых этносов, так и государств¹². И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой жизнедеятельности. В этом плане характерно его выступление на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 г.: «У нас нет культурной программы. Есть экономическая, воен-

ная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»¹³.

Историзм Д.С. Лихачева многопланов. Во-первых, представляется возможным говорить об историзме на уровне осмыслиения ученым различных конкретных явлений жизни. Во-вторых, Лихачев выступает автором собственной концепции истории России как истории отечественной культуры. В-третьих, его работы содержат достаточно материала для анализа воззрений ученого на общие закономерности исторических процессов. Профессор Милнер-Гулланд справедливо отметил, что Лихачев «не отверг бы в качестве эпиграфа к своей научной деятельности первые слова, когда-то написанные на славянских языках, из Евангелия от Иоанна – «Искони бѣ слово»¹⁴. Лихачев-историк начинается с его публикаций о литературе. Практически в каждой своей работе он уже в первых строках, а иногда даже в названии, дает читателю понять, что предметом его исследования является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение. В результате деятельности ученого междисциплинарные связи литературы и истории поднимаются на качественно иной уровень.

Разумеется, литература – свидетель истории, но свидетель своеобразный, скорее даже свидетель-соучастник. Литература в трудах Лихачева предстает не только отражением, но и своеобразным проявлением действительности, и эта функция налагает на литературные произведения характерный отпечаток, определяет их национальный колорит. «Русская литература – часть русской истории, – писал Лихачев, – она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уже конечно, русскую культуру»¹⁵. Данный подход ярко проявился в его исследованиях, посвященных «Слову о полку Игореве». Уже в статье «Исторический и политический кругозор автора "Слова о полку Игореве"», вышедшей в свет в 1950 г., Лихачев убедительно показал тесную связь образов «Слова» и исторических реалий того времени¹⁶. Памятники культуры и в том числе литературные произведения, по его мнению, обладали большим влиянием на социум своего времени. Возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призывов «Слова о полку Игореве» к объединению князей в эпоху феодальной раздробленности, Лихачев отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора "Слова", может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче – объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеймить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей "Слова" было не только военное, но и идеальное сплочение русских людей»¹⁷. Эта мысль о том, что идеальное сплочение даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические мероприятия, неоднократно высказывалась Лихачевым и в дальнейшем.

Исследования литературы нередко приводят его к выводам, лежащим за границами собственно литературоведения. К примеру, анализ влияния на литературу устного народного творчества, состояния народной памяти позволяет ему заключить: «Народ в XII в. знал русскую историю, интересовался ею и, следовательно, жил не бездумно и не бездумно участвовал в политических событиях»¹⁸.

Однако литература – не только свидетель и участник истории. Под влиянием Лихачева начинают «прочитываться» по-иному летописи, их значение для исторической науки становится более многомерным. Следует признать, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных произведений как исторических фактов, исторических памятников. Для него же вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами. Особая субъективность, включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Дмитрия Сергеевича, и особым историческим источником. Субъективный характер авторских оценок и суждений в глазах ученого только усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, – писал он, – не может быть объявлено "плохим исто-

рическим источником"». Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»¹⁹. Детализируя это положение, Лихачев отмечал: «Само произведение – "осколок" прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т.д., и т.д.»²⁰. А применительно к «Слову о полку Игореве», Лихачев писал еще более полемично, даже резко: «Если "Слово" – "сплошное вранье", то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: "вранье" – свидетельство психологии своего времени.., ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая»²¹.

Конечно, сам Лихачев «Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал его более позднее происхождение. Но и будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет вполне самостоятельный, глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторических источников, ставят их неизмеримо ниже, скажем, деловой переписки. Им-то и адресовано четкое определение Д.С. Лихачева: «Степень точности... никогда не является безусловной»²². Из этого вытекает, что сами условия, факторы, обуславливающие точность, должны быть включены в контекст исторического исследования.

Следует особо отметить, что наиболее ценной в памятниках литературы, мире культуры для ученого является созидательная сила человеческого таланта. В различных его произведениях настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры. Можно сказать, что ученый предлагает *культуроцентричную концепцию истории*. Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно излагаются экономика и политика, а потом, в конце, между прочим, – культура того или иного исторического периода, к тому же поданная как сухой перечень отдельных достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Лихачев, сурово критикуя вульгаризированные формы марксистской теории исторического процесса как «приникающие окружающее общество, подчиняющие его грубым материальным законам, убивающим нравственность»²³.

Для Лихачева исследование культуры означало, по всей видимости, исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляя в значительной мере ход истории. В статье «Русская культура в современном мире» он отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединялось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонационального. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным»²⁴.

Вместе с тем, *история российской культуры в его понимании – это история европейская*. Анализируя многонациональный характер древнерусской культуры на примере литературы, Дмитрий Сергеевич писал о ее тесной связи с культурой западных и южных славян, византийской культурой. Он отстаивал тезис о европейском характере древнерусской литературы. «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению... Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»²⁵.

В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по своему характеру их влияние было не-

одинаковым. По мнению исследователя, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»²⁶. На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественнонаучная мысль, богословие и т.д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось, прежде всего, на военном деле, государственной организации, экономике²⁷. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское.

Влияние степных народов, по мнению Лихачева, было гораздо более скромным и по своей сути архаичным. Исследователь также считал, что не следует преувеличивать в воздействии на русскую культуру, общество и государство татаро-монгольского нашествия. Хотя оно сопровождалось колоссальными разрушениями и было воспринято современниками как вселенская катастрофа, большого воздействия на культуру Руси «степняки» не оказали.

Разрыв, нарушение преемственности в культурном процессе не может, по убеждению Лихачева, принести пользы никогда, ни в какой ситуации. В его работах неоднократно рассматриваются те моменты в отечественной истории, когда нормальный процесс развития культуры нарушался, и те страшные катастрофы, которые за этим следовали. Соответственно *оценивает он и отдельных исторических деятелей – не по успехам в войнах и захватах территорий, а по влиянию на развитие культуры.*

Так, Лихачев негативно оценивает личность и деятельность Ивана Грозного несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами»²⁸. Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал в результате одной из причин, воспрепятствовавших возрождению России.

Теми же критериями, хотя и с иным результатом, определяется оценка, которую Лихачев дал эпохе Петра I. Вопреки мнению многих мыслителей от славянофилов до А.И. Солженицына, Лихачев не считал нововведения Петра пагубными и вредными для страны. Он указал на появление в русской культуре первой четверти XVIII в. множества новаторских динамичных элементов. Но академик решительно опровергает тезис о нарушении преемственности между культурой петровской эпохи и древнерусской культурой. «Петровские реформы, – пишет Лихачев, – были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явила закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени»²⁹. Самого же царя-реформатора Лихачев считает типичным человеком русского барокко. «От барокко, – отмечает исследователь, – в Петре были многие черты его характера: его склонность к учительству, его уверенность в своей правоте, его "богоборчество" и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, его доброта и жестокость и многие другие противоречия его натуры»³⁰.

Несмотря на всю внешнюю резкость изменений, петровская эпоха не была, по мнению Лихачева, деструктивной. Основные направления эволюции не изменились, изменился лишь ритм развития. *Петр привел Россию не из Азии в Европу, а из средневековья в Новое время.* В целом ряде работ Лихачев показал необходимость и предсказуемость перемен, которые не были «европеизацией» в смысле привнесения на русскую почву чего-то чуждого, но, напротив, соответствовали внутреннему содержанию русской культуры³¹. Кстати, именно поэтому Лихачев всегда с особым вниманием и любовью относился к культуре Санкт-Петербурга, который он называл «самым русским среди русских, и самым европейским среди европейских городов»³².

Отмечая преемственность в развитии русской культуры, опасность для этноса «культурных разломов», Лихачев подчеркивал, что эффект «сравнения с землей»,

«разрушенья до основания», по своей сути, не может стать генератором новых ценностей. «Убить человека биологически, – писал он, – может несоблюдение биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов культурной экологии»³³. Вполне естественно, что осознание ученым определяющей роли культуры в самом существовании человеческого общества привело его и к выводу *об особой исторической роли России*. «Россия – великая страна, – отмечал Д.С. Лихачев. – Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта "великость" России не может вызвать враждебность к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути»³⁴.

По убеждению Лихачева, развитие и состояние этноса характеризуется в первую очередь его культурой, которая является «соединением лучшего, что есть в народе»³⁵. В своей работе «Культура как целостная среда» он отмечал: «Культура – это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией. В понятие "культура" должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»³⁶.

Итак, история, по Лихачеву, – это история культуры. Но в общем потоке культурных трансформаций взгляд ученого особенно выделяет доминантный вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для ученого – в значительной степени синоним гуманного. В отличие от биологического естественного отбора, отбор лучшего в культуре протекает совсем по иным законам – как неуклонное возвращение гуманизма, высокой Человечности, постепенно побеждающей дикое биологическое начало, прорастающей сквозь толщу веков. На каждом витке истории сила духа постепенно возвышается над материальной вульгарностью бытия: «Вся мировая история... представляет собой развитие и углубление начал гуманизма – человечности»³⁷. Конкретизируя эту мысль, ученый пишет, что «развитие гуманизма проходит как бы некоторые стадии»: «от открытия ценности целого класса, целого слоя общества к определению ценностей отдельной личности»³⁸.

Размышляя в данном направлении, Лихачев предлагает признать в качестве главного двигателя истории индивидуальную волю свободной личности, волю человека-творца. Так, выступая в октябре 1998 г. в дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», он сказал: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как "Что ждет нас в будущем?", не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет»³⁹. Это высказывание не следует, разумеется, трактовать как абсолютное отрижение любых закономерностей исторического развития. К примеру, в работах «Петровские реформы и развитие русской культуры»⁴⁰ и «Русская культура Нового времени и Древняя Русь»⁴¹ академик показывает объективный характер назревших реформ, утверждая, однако, что без Петра для их реализации могли бы понадобиться усилия 7 поколений россиян. В данном случае мы имеем дело, скорее, с современным переосмыслением традиционного взгляда на роль личности в истории, произведенным Лихачевым в контексте его интереса к общему *усилению гуманитарного фактора в историческом развитии*.

Не случайно среди заметок ученого есть и такое суждение: «Человек, его личность – в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук – историческая наука – отошла от непосредственного изучения человека... В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке – истории человеческой личности»⁴². Именно на это «возвращение» в гуманитарные науки Человека и были направлены многие работы Лихачева. Особое его внимание привлекала интеллигенция, основными родовыми признаками которой Дмитрий Сергеевич считал, помимо образованности, совестливость и «интел-

лектическую свободу как нравственную категорию»⁴³. Тезисы о роли культуры в становлении этноса и о роли интеллигентии в российском историческом процессе связаны в трудах Д.С. Лихачева чрезвычайно тесно. Не случайно многих он оценивал с точки зрения принадлежности (или не принадлежности) к интеллигентии. Так, одним из первых интеллигентов на Руси, по его мнению, был в конце XV – начале XVI в. преп. Максим Грек – человек «итальянской и греческой образованности», претерпевший много гонений, но так и не изменивший своим взглядам⁴⁴. Как выступление интеллигентии трактует Лихачев восстание декабристов в 1825 г.⁴⁵ Одновременно он отказывает в принадлежности к интеллигентии «профессиональным революционерам», как и тем, кто становился на колени перед «народом» или «рабочим классом»⁴⁶. Вообще любой догматизм, будь то догматизм протопопа Аввакума XVII в., революционера-народника или большевика-комиссара, по глубокому убеждению Д.С. Лихачева, противоречит самой логике исторического развития. Высказываться за отказ от интеллектуальной свободы – значит идти против естественного течения истории и, в конечном счете, оказаться в «сфере абсурда и насилия»⁴⁷.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, таким образом, создал подлинно гуманистическую концепцию исторического развития. В ее основу положены мысли о ведущей роли культуры для развития человечества и об особом значении для развития России интеллигентии, как сообщества людей, «свободных в своих убеждениях»⁴⁸. Именно глубочайший гуманизм исторической концепции Д.С. Лихачева делает ее важной и перспективной в развитии современной науки.

Примечания

- ¹ Указ Президента РФ В.В. Путина «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д.С. Лихачева» от 14 февраля 2006 г. № 110.
- ² Лихачев Дмитрий Сергеевич. Изд. 3. М., 1989. (далее – Лихачев Д.С.).
- ³ Цит. по статье Р. Милнер-Гулланда «Воспоминания о Д.С. Лихачеве», опубликованной на сайте фонда Д.С. Лихачева (см.: likhachev.ifond.spb.ru/index.htm).
- ⁴ Лихачев Д.С. С. 12.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 23.
- ⁷ Лихачев Д.С. С. 40.
- ⁸ Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 94.
- ⁹ Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 376.
- ¹⁰ Указ Президента РФ В.В. Путина «Об увековечении памяти Д.С. Лихачева» от 23 мая 2001 г. № 587.
- ¹¹ Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006; Д.С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006; Гусейнов А.А., Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева: Комментарии к книге Д.С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб., 2006; Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные научные чтения, 26–27 мая 2006 года. СПб., 2006; Запесоцкий А.С. Д.С. Лихачев – выдающийся гражданин, просветитель, учёный // Вестник РАН. 2006. № 10; его же. О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. 2006. № 6; его же. О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. 2006. № 12.
- ¹² Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 388–397.
- ¹³ Лихачев Д.С. Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. № 59–60. 2001. С. 97.
- ¹⁴ Цит. по указ. статье Р. Милнер-Гулланда.
- ¹⁵ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 10.
- ¹⁶ Лихачев Д.С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Сб. иссл. ст. М.; Л., 1950.
- ¹⁷ Там же. С. 164.
- ¹⁸ Там же. С. 206.
- ¹⁹ Там же. С. 201.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 203.
- ²² Там же. С. 201.
- ²³ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.
- ²⁴ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 196.
- ²⁵ Лихачев Д.С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 30–31.
- ²⁶ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 18.
- ²⁷ Там же.

- ²⁸ Лихачев Д.С. Избранное. Великое наследие. С. 193.
- ²⁹ Лихачев Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 168.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Подчеркивая это положение, Д.С. Лихачев писал: «Чем больше мы изучаем изменения и развития русской культуры в XIV–XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в Новое время – в XVIII и XIX вв. – с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой "осознания" совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры» (см.: Лихачев Д.С. Петровские реформы и развитие русской культуры. С. 170).
- ³² Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 274.
- ³³ Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 274.
- ³⁴ Лихачев Д.С. Великая культура примирительна по своей сути. Речь на международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» 22–23 мая 1997 года // Д.С. Лихачев. Университетские встречи. С. 50.
- ³⁵ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 196.
- ³⁶ Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 349.
- ³⁷ Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 72.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Лихачев Д.С. Нас ждет то, что мы сделаем сами. Дискуссия «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», октябрь 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских // Д.С. Лихачев. Университетские встречи. С. 70.
- ⁴⁰ Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 164–170.
- ⁴¹ Там же. С. 171–190.
- ⁴² Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 259.
- ⁴³ Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 372.
- ⁴⁴ Там же. С. 378.
- ⁴⁵ Там же. С. 380.
- ⁴⁶ Там же. С. 380–381.
- ⁴⁷ Лесур Ф. Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1997. С. LXVII.
- ⁴⁸ Лихачев Д.С. Избранные труды... С. 372.